

— Александр Моисеевич, в советской драматургии существуют такие понятия, как «театр Погодина», «театр Арбузова», «театр Розова». Есть и «театр Володина». Как вы лично относитесь к нему?

— У нас в Ленинграде работает на телевидении режиссер Александр Белинский. «Анюта», «Старое танго» — это его... Так вот он однажды сказал в шутку, что главное слово в моем лексиконе — «стыдно». Начну с этого слова, коль скоро эта шутка действительно недалеко от истины.

Мне неловко и стыдно за свои пьесы, написанные давно. Мне звонят из какого-то театра, говорят: хотим взять к постановке вашу пьесу «Фабричная девчонка», к примеру. Я долго молчу, а потом говорю деликатно, медленно, с паузами, стараясь убедить собеседника: зачем вам нужна такая старая пьеса, она уже в прошлом, проблемы вчерашние, еще что-то в этом роде. Говорю совершенно искренне. Правда, вдруг совсем недавно в театре Моссовета режиссер Шедрин ставит чудесно «Фабричную девчонку». Так случается.

Или звонит Никита Михалков по поводу экранизации «Пяти вечеров». Все начинается сначала. Зачем, спрашиваю я его, не позорь себя, не позорь меня, опять одинокая женщина. После нее было еще пятьсот, тысяча одиноких женщин с несложившейся судьбой. Но Михалков ставит фильм, где отлично играет Гурченко и совершенно ошеломляюще — Любшин, фильм, где прием ретро оказывается волшебным ключом к давно заколоченной двери.

И все-таки мне не хочется видеть сегодня на сцене «Старшую сестру», «С любимыми не расставайтесь», «Фабричную девчонку». Потому что надежды на то, что получится тот же результат,

«СЕБЯ ВИНЮ, СЕБЯ КЛЯНУ Я...»

В конце декабря ГРДТ Эстонской ССР показал зрителям последнюю работу минувшего года — спектакль «Ящерица».

Сегодня наша беседа с автором пьесы — лауреатом Государственной премии РСФСР драматургом Александром ВОЛОДИНЫМ.

как со спектаклем Шедрина или фильмом Михалкова, всегда самая малость.

— Тем не менее режиссерам удавалось то, на что вы уже, как говорите, не наделись.

— Я думаю, они находили какой-то ход, но, главное, искали единство поэзии, правды и юмора. А это спасет какую угодно пьесу.

Если же говорить о пьесах, за которые я не испытываю стыда и неловкости, хотя и написаны они тоже не сегодня, то это «Ящерица», «Две стрелы», «Выхоль». Ну, и сценарии еще — «Фокусник» и «Похождения зубного врача». По ним в свое время были сняты фильмы, сразу же устроившиеся на полке. Не теряю надежды, что они когда-нибудь будут показаны. Надеюсь и на сценическую судьбу пьесы «Мать Христа», к которой, насколько я знаю, примеривается сейчас Лев Додин.

Почему именно эти пьесы,

а не, скажем, «Старшая сестра» с ее благостным финалом? Да потому, что они о вечном и общечеловеческом, о возможности выбора, о жизни, сообразованной не с кем-то, а с самим собой.

Сегодня мои «доисторические» пьесы широко пошли у нас и за рубежом. По всей вероятности, наступил момент, когда разговор, поднятый ими, стал важен и актуален. А в пору написания они оказались словно бы не ко времени. Помню, когда-то у меня по поводу «Ящерицы», где противоборствуют два племени, жившие на земле 12 тысяч лет назад, спрашивали строго и серьезно: «Кто здесь мы, а кто — они? Вам что, неизвестно, что в нашем мире сосуществуют две социальные системы?»...

— Сейчас немало говорят о новом мышлении, о необходимости переосмыслить прошлое. Что это значит, по-вашему, новое мышление, в чем оно выражается в приме-

нении к искусству, к творчеству?

— Я не знаю, что это значит — новое мышление или старое. Во все времена было важно одно — не уходить от себя, не подстраиваться к чему-то, не изменять себе. Жизнь воспитывала и воспитывает каждого человека, в ней все было и есть. И у меня есть прошлое, с детством у случайных людей, и фронт в прошлом, и то, что выжил. И все мои огрехи при мне, никуда от них не уйти. И все вины. Новое мышление или старое — это оставаться самим собой, если был искренен. А коли был неискренен — ничего не поделаешь, надеваешь на себя новое мышление, как новую одежду.

— Почему-то в связи с вашим творчеством, особенно с ранним, не покидает ощущение, что женщинам, женским характерам в нем повезло больше, чем мужским.

— Понимаете, была война, был фронт. И еще мечта, что

это все кончится, мы вернемся домой, а там нас встретят прекрасные женщины, небесные создания. Мы вернулись — и нас встретили измотанные, издерганные, высушенные войной, одинокие. И захотелось говорить о них, о таких, как есть, но и таких, какими представлялись там, на войне. Но говорить было нелегко.

Мелкотемье, злобный лай из подворотни, взгляд в замочную скважину... Знаете, что я сейчас называю? Названия критических статей, посвященных пьесе «Пять вечеров».

А уж как поносили позже героя Олега Басилашвили из фильма «Осенний марафон» — и бесхарактерный он, и мягкотелый, и двуличный, и конформист. Но разве лучше были люди вокруг него? Водопроводчик — алкоголик, обязанный своим обаянием Евгению Леонову? Или переводчица — иждивенка, эксплуатирующая талант героя? Ее Галина Волчек играла. Всем им чего-то было надо, вот и разрывался Бузыкин, хотел добра для всех, а кончалось неприятностями и драмами. И для него, и для остальных. Характер Бузыкина рожден нашим временем, где много суеты и мелких обязательств. Мне интересны характеры противоречивые.

— И для воплощения таких характеров нужны актеры особого рода?

— Актеры... Когда-то я был поражен Фетисовой, сыгравшей главную роль в «Фабричной девчонке» в театре Советской Армии. Незабываемы Шарко и Копелян в «Пяти вечерах» на сцене Ленинградского БДТ. В кино — совсем юная Лена Проклова и Роман Быков в «Звонят, откройте дверь». Жалею, очень жалею, что наша встреча с Быковым случилась только однажды. Какой это артист!

В «Похождениях зубного врача» прекрасно играли Ле-

онов и Мягков, в «Фокуснике» — Гердт. Про «Осенний марафон» и говорить нечего — никого не выделить, а Наталья Гундарева — моя любимая артистка вместе с Басилашвили. Какое счастье, что Данелия не только блистательный профессионал, но и большой режиссер...

Или Олег Ефремов. Вот человек, которого годы совершенно не изменили. Лучшей моей пьесой Ефремов, по-моему, до сих пор считает «Фабричную девчонку». Но что же делать, если я никогда не хотел повторяться, старался уходить от того, что уже было написано. Одно время я простился с театром ради кино. Теперь нравится писать стихи. И не для того, чтобы печатать их. Да я считаю, что и не обязан писать хорошие стихи. Но вот Гаврилин и Дашкевич написали на них музыку, их начинают вставлять в спектакли по моим пьесам. У них уже своя судьба.

— Вы говорили только что о Ефремове, о том, что его годы не изменили. А вас?

— Меня изменили. Раньше казалось, что во многом виноваты другие, обстоятельства жизни — не я. Но почему же о своих-то винах при этом не думалось? Не только у меня — у многих со временем происходит нечто подобное. Вот об этом:

Виновыны я клеймил, ликуя, Теперь другая полоса.

Себя клянуп, себя виню я, Одна вина сменить другую Спешит, дав третьей полчас...

Слышу часто: зачем нервы портить? Что-то написал, тебя играют, ставят. Но на полсекунды приходят удовольствие и покой, а потом все сначала. И тем сильнее радость от встречи с человеком надежным. Тогда верится...

Вел беседу
Виталий АНДРЕЕВ.
Фото Николая ШАРУБИНА.

